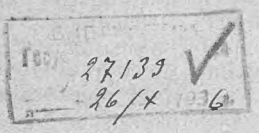
K100 5/26.

К100 5/26



1437/11

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ И РУССКІЙ ЯЗЫКЪ У СЛАВЯНЪ.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Славянскаго Общества 4 февраля 1903 г.

Съ памятью о святомъ Кириллѣ въ сознаніи каждаго образованнаго славянина, какой бы вѣры и народности онъ ни былъ, тѣсно связывается воспоминаніе о началѣ славянской письменности, объ изобрѣтеніи знаковъ для увѣковѣченія славянскихъ звуковъ и слова, славянской мысли. До появленія геніальныхъ славянскихъ апостоловъ славяне, если и писали, то греческими и латинскими буквами, по одному древнему свидѣтельству. Но нѣтъ памятниковъ такого стараго славянскаго письма. Вѣроятно древній славянинъ, понявшій смыслъ и значеніе письменности, писалъ на языкѣ культуры своего времени—греческомъ или латинскомъ, — свой же языкъ считалъ языкомъ варваровъ и недостойнымъ письма. Изобрѣтеніе св. Кирилла не только подняло самосознаніе древнихъ славянъ, ихъ нравственное достоинство, но и создало ихъ фактическое единство. Въ ту пору вопросъ объ единомъ языкѣ у славянъ былъ рѣшенъ, — языкъ книгъ Кирилла и Меѳодія, языкъ ихъ проповѣди сталъ языкомъ общеславянскимъ. Солуняне родомъ, святые братья приходятъ съ береговъ Бѣлаго-Эгейскаго и Мраморнаго морей къ западнымъ славянамъ въ Паннонію и Моравію, проповѣдь ихъ слышится и на Вислѣ,— и всѣ ихъ понимаютъ, языкъ ихъ книгъ—свой языкъ и для славянскаго юга, и запада, и скоро сталъ своимъ и для славянскаго востока. Но славянскій западъ не сохранилъ завѣтовъ славянскихъ апостоловъ, и тотъ общій славянскій языкъ древнихъ временъ сталъ для него чуждымъ. И вотъ, въ теченіе вѣковъ исчезло единство языка культуры у славянъ,—но осталось сознаніе важности его, осталось стремленіе къ нему.

Прошли вѣка, пронеслись бури надъ славянами, гибли ихъ царства и княжества, поднимались и вновь гибли,— сознаніе единства хранилось въ глубинѣ души славянина, и по време-

намъ дѣлались попытки отыскать единство языка. Такова была попытка извѣстнаго Юрія Крижанича при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Крижаничъ, считая русское племя „кореникой“ всѣхъ славянъ, по его выраженію, и въ тогдашнемъ русско-славянскомъ книжномъ языкѣ видѣлъ основныя данныя для образованія изъ него языка общеславянскаго. Онъ вносилъ въ него съ этою цѣлью своеобразныя поправки, стоя на уровнѣ пониманія того времени организма языка.

Въ XVII столѣтіи широко было распространено мнѣніе, что языкъ русскихъ церковныхъ книгъ есть именно настоящій чистый славянскій, что только въ русской книгѣ сохранилась традиція св. Кирилла и Меѳодія, сохранился общій языкъ. Со славянскаго юга, откуда къ намъ, русскимъ, пришло просвѣщеніе, принесшее на Русь славянскую письменность и ея языкъ, стали приходить именно на Русь за книгою. Послѣ того, какъ славяне юга подпали подъ магометанское иго, постепенно заглохла у нихъ и культурно-просвѣтительная жизнь: церкви и монастыри, эти единственные центры просвѣщенія, лежали въ развалинахъ. Уже при Іоаннѣ Грозномъ являются русскія рукописи на Балканскомъ полуостровѣ. Въ 1551 г. протопопъ Благовѣщенскаго собора Николы Гостунскаго—Яковъ, а въ инокахъ старецъ Іосифъ Чудова монастыря даритъ чрезъ посредство игумена Григорія, приходившаго въ Москву изъ Босніи, толковое евангеліе въ монастырь св. Благовѣщенія въ сербской землѣ „во власти босанской, таголетца Папратя, про свои родители и про свою душу“. Съ появленіемъ на Руси печатныхъ книгъ, ни одинъ юго-славянинъ, приходившій въ Русскую землю, не уходилъ изъ нея безъ книгъ. Въ XVII в. просьбы славянъ о церковныхъ книгахъ русской печати почти всегда удовлетворялись полностью; русскіе цари, строители земли своей, хорошо понимали важность для будущаго Россіи усиленіе ея культурнаго вліянія на далекихъ славянъ. Юго-славяне привыкли видѣть въ языкѣ русской книги—образцовый книжный языкъ, съ котораго иногда даже какъ-бы переводили, толкуя непонятныя слова или переводя ихъ на свой языкъ для простецовъ-читателей.

Даже католическій Римъ признавалъ языкъ тогдашней русской книги—традиціоннымъ, славянскимъ. Когда въ началѣ XVII столѣтія понадобилось перепечатать глаголическій часословъ для славянъ - католиковъ, совершавшихъ литургію по славянски, францисканецъ minoris ordinis Рафаилъ Леваковичъ, по порученію коллегіи римской пропаганды, прибѣгъ къ помощи русскихъ Іосафата Исаковича и Филиппа Боровли для установленія чтеній и текста книги. Это было въ 1635 г. Пересмотръ этого труда былъ порученъ въ 1643 г. тоже русскому, извѣстному уніатскому дѣятелю Меѳодію Терлецкому.—Въ XVIII в. сплѣтскій патеръ, впослѣдствіи епископъ, Матія Караманъ былъ посланъ римскою пропагандою въ 1732 г. въ Россію, между прочимъ, для изученія славянскаго языка. — Въ редакціи глаголическаго миссала римскаго изданія 1741 г. принимали участіе четыре русскихъ уніата, между которыми былъ Сильвестръ Рудницкій, впослѣдствіи ставшій епископомъ въ Луцкѣ, на Волыни.

Если такъ смотрѣли на русскую редакцію церковныхъ книгъ и ея языкъ въ центрѣ западнаго католическаго міра, то что-же и говорить о взглядахъ на нихъ на православномъ славянскомъ Востокѣ? — Когда въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ Австрія стала вести счастливыя войны съ Турціей, предоставившей возможность занять значительную часть нынѣшняго сербскаго королевства и Босніи, взоры православныхъ юго-славянъ обратились къ Россіи и къ ея просвѣщенію, въ надеждѣ найти защиту отъ латино-западной культуры, грозившей имъ поглощеніемъ. — Это было время геніальнаго Петра Великаго. Великій преобразователь Россіи своимъ орлинымъ взоромъ увидѣлъ истинное положеніе славянскаго юго-запада, и въ то время, когда онъ самъ для

Россіи искалъ просвѣщенія на западѣ онъ откликнулся на просьбы юго-славянъ дать имъ русскую школу, и языкъ русской книги сталъ на цѣлый вѣкъ языкомъ письменности близкаго намъ сербскаго народа. Какъ это произошло?

Еще не просохли чернила, которыми былъ подписанъ Пожаревацкій миръ въ 1718 г., отводившій Сербію подъ власть Австріи, какъ бѣлградскій митрополитъ Моисей Петровичъ обратился къ Петру Великому съ письмомъ, въ которомъ просилъ о присылкѣ учителей и книгъ. Письмо это не дошло къ царю Петру. Не получивъ отвѣта, Моисей вторично пишетъ Петру Великому въ 1721 г., прилагая копію своего перваго письма, и посылаетъ его чрезъ своего особаго посланца. Охарактеризовавъ опасность положенія сербскаго народа подъ властью католической державы, сербскій митрополитъ пишетъ русскому царю: „Богъ посылаетъ насъ въ милость Вашего [illegible]скаго Величества, какъ намѣстника [illegible]го на землѣ, чтобы освободить [illegible] души отъ неученія; не просимъ [illegible]есной, но душевной помощи, чтобы [illegible]дать школы, просимъ двухъ учителей латинскаго и славянскаго языковъ, а славянскій языкъ есть и нашъ языкъ, просимъ книгъ, такъ какъ своихъ типографій не имѣемъ". — „Будь вторымъ Апостоломъ Христовымъ для насъ, просвѣти и насъ, какъ и своихъ людей, чтобы враги наши не сказали: гдѣ ихъ Богъ?"—„Будь вторымъ Моисеемъ и избави насъ отъ Египта не[illegible]ченія", взывалъ къ Петру іерархъ сербской земли. — И Петръ Великій захотѣлъ стать для сербовъ „вторымъ Апостоломъ" и „вывести ихъ изъ Египта неученія". Онъ принялъ близко къ сердцу эту просьбу сербскаго митрополита, и въ Сенатѣ 11 мая 1722 г. повелѣлъ отыскать и послать учителей къ сербамъ, а также книги для будущей школы и для церквей и церковную утварь.

Но гдѣ найти учителей для этой важной миссіи? Ихъ было мало и для своихъ нуждъ въ Россіи. Синодъ обратился къ кіевскому митрополиту Варлааму съ просьбою отыскать ихъ среди студентовъ кіевскихъ братскихъ школъ. Къ началу 1723 г. былъ полученъ отвѣтъ, что въ Кіевѣ желающихъ ѣхать въ дальнюю сторону къ сербамъ не оказалось. Какъ разъ въ это время вернулись изъ Парижа обучавшіеся тамъ Тарасъ Постниковъ и Иванъ Каргопольскій. Петръ повелѣлъ Синоду „освидѣтельствовать" ихъ въ наукахъ, и Синодъ намѣтилъ было ихъ въ учителя для сербовъ. Но дѣло затянулось съ рѣшеніемъ вопроса, откуда и какой имъ давать „трактаментъ". Лишь въ 1724 г. былъ рѣшенъ вопросъ о жалованіи учителю по 300 рублей въ годъ изъ штатсъ-конторы,—а къ этому времени дѣло посылки этихъ лицъ разстроилось. Но зато нашлось лицо, охотно бравшее на себя эту миссію къ юго-славянамъ: это былъ Максимъ Суворовъ, одинъ изъ переводчиковъ при Синодѣ. Посланный митрополита Моисея, получивъ книги для будущей школы: 70 экземпляровъ славянской грамматики Смотрицкаго въ московскомъ изданіи 1721 г. Поликарпова, 10 экземпляровъ лексикона трезычнаго того-же Поликарпова и 400 экземпляровъ букваря—„Первое ученіе отрокомъ" Ѳеофана Прокоповича, церковныя книги и вещи—поспѣшилъ уѣхать. Суворовъ остался ожидать выдачи прогонныхъ и жалованья и готовиться къ отъѣзду.

Кто же такой былъ Максимъ Суворовъ, этотъ своего рода подвижникъ славянскаго дѣла XVIII в.?

Онъ былъ сынъ мелкаго помѣщика Козловскаго уѣзда. Учился онъ въ славяно-латинскихъ школахъ въ Москвѣ, и когда дошелъ до класса піитики, былъ посланъ въ 1716 г. въ качествѣ переписчика въ Прагу на помощь переводчикамъ архимандриту Ѳеофилу Кролику и Ивану Воейкову, переводившимъ на русскій языкъ, по царскому приказу, полезныя книги подъ руководствомъ чеха-іезуита Яна Либертина. Пробылъ онъ тамъ до зимы 1720 г., переписывалъ и самъ переводилъ, слушалъ лекціи и учился. Послѣ смерти Воейкова онъ вернулся въ Россію въ 1721 г., привезя съ собою

переводы. Въ Прагѣ Суворовъ женился. Такимъ образомъ, Суворовъ, жившій долго въ Чехіи и бывавшій въ Вѣнѣ, имѣлъ связи и сношенія со славянами, зналъ ихъ. Рѣшившись ѣхать учителемъ къ сербамъ, чтобы устроить у нихъ школы, Суворовъ прежде всего сталъ заботиться о достаточномъ запасѣ книгъ для обученія. Осенью 1724 г. онъ проситъ Синодъ принять отъ него 150 книгъ на иностранныхъ языкахъ и дать ему на сумму ихъ стоимости „славяно-россійскія книги“ и „литеры учебной азбуки“, чтобы онъ могъ печатать, пріѣхавъ на мѣсто, буквари и азбуки, по мѣрѣ надобности. Въ этомъ однако ему было отказано. Тогда Суворовъ продалъ часть своихъ иностранныхъ книгъ и купилъ нужныя русскія книги для будущей школы у сербовъ. Дѣло однако съ выдачею прогонныхъ и жалованья замедлилось. Суворовъ, въ ожиданіи рѣшенія, жилъ въ долгъ, который уплатилъ лишь полученнымъ жалованьемъ. Между тѣмъ умеръ Петръ Великій 28 января 1725 г., пожелавшій „стать вторымъ Апостоломъ“ для сербовъ. Но нравственная сила великихъ людей такова, что ихъ мысль и послѣ нихъ вліяетъ на народы цѣлые вѣка. Мысль Петра Великаго дать славянскому югу русскую школу—продолжала дѣйствовать и послѣ его смерти, хотя и замедлилось ея осуществленіе.

Въ концѣ 1725 г. Суворовъ, наконецъ, двинулся въ путь, но лишь позднею весною 1726 г. онъ добрался до Вѣны и лѣтомъ до Карловцевъ на Дунаѣ. Поѣхалъ онъ въ сербскія страны съ женою и маленькими дѣтьми, взявъ съ собою младшаго брата Петра, ученика московскихъ школъ, который послѣ помогалъ ему въ школьномъ дѣлѣ и даже открылъ новую школу въ Арадѣ.

Осенью 1726 г. Максимъ Суворовъ началъ „славянскія школы“ въ Карловцахъ, въ своей маленькой квартирѣ. Климатъ Карловцевъ, расположенныхъ на болотистомъ въ то время берегу Дуная, и житейская обстановка оказались для Суворова тяжелыми: онъ сильно заболѣлъ, была больна его жена; умерла его дочь. У него однако собралось 7 учениковъ, которыхъ онъ усердно обучалъ „десятисловію“. Въ началѣ 1727 г. онъ переѣзжаетъ въ Бѣлградъ, по желанію митрополита Моисея, и тамъ открываетъ свои школы при митрополичьемъ домѣ. У него собралось уже 50 учениковъ, которымъ онъ роздалъ даромъ десятисловія и азбуки, купленныя имъ „на свои деньги“ въ Москвѣ. Обучалъ Суворовъ дѣтей, по его выраженію, — „десятисловію и писанію съ придаткомъ дѣтской ариѳметики“. Но вскорѣ оказалось, что въ Бѣлградѣ нѣтъ помѣщенія для суворовской школы, такъ какъ для устройства австрійской крѣпости предположено было разрушить даже митрополичій домъ. Суворовъ вновь переѣхалъ въ Карловцы, гдѣ у него скоро набралось (въ началѣ 1728 г.) — 124 ученика. Между ними было немало взрослыхъ: былъ архидіаконъ, 4 іеромонаха, 12 діаконовъ, 5 монаховъ, и всѣ они начали отъ „начальнаго ученія для исправленія“. Тутъ Суворовъ училъ грамматикѣ по учебнику Смотрицкаго и даже пытался ввести преподаваніе латинскаго языка, знаніе котораго было столь необходимо въ то время, особенно въ Австро-Венгріи, гдѣ этотъ языкъ былъ оффиціальнымъ.

Въ цѣломъ рядѣ писемъ и докладовъ въ Св. Синодъ Суворовъ даетъ свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ и о положеніи учрежденныхъ имъ „славянскихъ школъ“, о положеніи сербовъ, о своихъ бѣдахъ и мытарствахъ за все время, проведенное имъ среди сербскаго народа съ 1726 по 1731 г., когда онъ переѣхалъ въ Вѣну, оставивъ учительство. Въ Вѣнѣ онъ оставался до 1737 г. Терпя иногда крайнюю матеріальную нужду и страдая отъ полнаго нравственнаго одиночества, не находя нигдѣ поддержки, особенно послѣ смерти митрополита Моисея Петровича,—Максимъ Суворовъ, однако, сдѣлалъ свое дѣло. Онъ оставилъ своихъ многочисленныхъ учениковъ, которые стали учителями въ возникавшихъ тогда у сербовъ училищахъ. Они учили по тѣмъ же учебникамъ, по которымъ сами учились у Суворова,— и тогдашній русско-славянскій языкъ

является образцовымъ для просвѣщенныхъ сербовъ. Два ученика Суворова— іеромонахи Арсеній Стойковъ и Стефанъ Станисавлевъ—уже въ 1731 г. отправляются въ Кіевъ, чтобы тамъ получить высшее богословское образованіе. Это были, какъ кажется, первые сербы, которые учились въ высшихъ училищахъ Россіи.

Максимъ Суворовъ былъ сильный духомъ и сознаніемъ своихъ обязанностей русскій человѣкъ. По настоянію тогдашней русской дипломатіи, онъ долженъ былъ скрывать, что онъ посланъ изъ Россіи и получалъ жалованіе изъ русской казны. Когда послѣ кончины митрополита Моисея дѣло раскрылось, онъ отказался дать сообщенія австрійскому комиссару графу Локателли о положеніи школьнаго дѣла у сербовъ, какъ — по его выраженію — „не тоя команды сущій“, а когда его положеніе стало невыносимымъ, и изъ Россіи онъ не получалъ никакихъ извѣстій, ни помощи, ни жалованія, онъ не соглашается поступить на австрійскую службу, потому-что, какъ онъ пишетъ: „видится мнѣ, это не весьма бы было прилично всеподданнѣйшей моей должности и посланію зазоръ“.

Привезенные Суворовымъ русскіе учебники: грамматика Смотрицкаго, лексиконъ Поликарпова и букварь Прокоповича — являются тѣми орудіями, которыми у сербовъ уже въ началѣ XVIII в. создается языкъ письменности и книги. Эти учебники переиздавались у сербовъ не разъ, и ихъ вліяніе простиралось даже до первой половины XIX столѣтія. У Суворова были, правда, предшественники его дѣла, хотя и мало замѣтные, какъ Василій Московитъ, дидаскалъ; были современники, какъ Синезій Залускій изъ Кіева, проповѣдникъ при митрополитѣ Моисеѣ,—были и преемники, какъ Эммануилъ Козачинскій съ товарищами, вызванный въ 1733 г. изъ Кіева сербскимъ митрополитомъ Викентіемъ Іоанновичемъ. Но лишь этому сыну Петровской эпохи и ея духа, лишь этому скромному учителю, котораго послалъ къ славянамъ великій царь Россіи, провидѣвшій міровую роль Россіи и русскаго народа и созданной имъ Имперіи и значеніе какъ славянства для нея, такъ ея для славянскаго міра,—лишь Максиму Суворову принадлежитъ дѣйствительное первенство въ исторіи распространенія русскаго языка и русскаго образованія у славянъ за предѣлами Россіи.

Въ теченіе всего XVIII вѣка царилъ этотъ русско-славянскій языкъ въ сербской письменности, тогда единственной на славянскомъ югѣ. Онъ видоизмѣнялся подъ вліяніемъ языка сербскаго народа, онъ получалъ разныя примѣси, но по временамъ достигалъ своеобразной высоты въ такихъ произведеніяхъ, какъ напр. „Исторія“ юго-славянскихъ народовъ архимандрита Іоанна Раича.—Но въ то время, когда языкъ русской литературы росъ и развивался, и Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Пушкинъ пересоздавали его, на славянскомъ югѣ онъ, оставаясь въ твердыхъ формахъ начала XVIII в., подлежалъ лишь медленному измѣненію и естественно долженъ былъ подпасть подъ вліяніе живого сербскаго языка. Явилась странная смѣсь, которую, конечно, побѣдилъ живой языкъ народа. Но въ разгарѣ этой борьбы немало лучшихъ умовъ среди сербовъ мечтали о возможности имѣть два языка для письменности: одинъ—старый, какъ они называли, — „славено-сербскій“, какъ языкъ науки, языкъ „общій“, высшихъ задачъ просвѣщенія, а другой—„простой“, какъ языкъ сербской словесности, языки— „прадѣдній“ и „матерній“. — Таковы были мнѣнія Раича, Кенгельца, епископа Мушицкаго и др.

Близится уже къ концу второе столѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій выбралъ и послалъ русскаго учителя къ сербамъ, желая быть для нихъ „вторымъ Моисеемъ“ въ области просвѣщенія. Если святой Кириллъ далъ общую единую азбуку славянству, если славянскіе Первоучители создали единый общій языкъ славянской письменности въ IX вѣкѣ, то Петръ Великій этимъ своимъ дѣяніемъ какъ бы указывалъ славянамъ путь, по

которому должно итти въ XVIII столѣтіи для отысканія этого утраченнаго единства. Геній Петра указалъ способъ для рѣшенія великой проблемы славянства. Мы не знаемъ, думалъ ли Петръ Великій объ единствѣ языка у славянъ, но что онъ зналъ о близости славянскихъ языковъ и нарѣчій между собою,— это не можетъ подлежать сомнѣнію: всѣмъ извѣстны факты его сношеній и встрѣчъ съ чехами, лужичанами, сербами и хорватами Далмаціи и Черногоріи, не говоря уже о полякахъ.

Въ этомъ году, когда столица Россійской Имперіи готовится праздновать юбилей двухъ вѣковъ своего основанія Великимъ Петромъ, мы должны вспомнить объ этомъ дѣяніи перваго Императора Россіи,—дѣяніи, которое свидѣтельствуетъ, что Преобразователь Русскаго государства, спѣшившій пріобщить русскій народъ къ плодамъ западной цивилизаціи, понималъ важность нашей русской, восточной культуры для славянъ и значеніе русскаго языка въ славянскомъ мірѣ.

Прошло два столѣтія со времени Петра,—жизнь у славянъ видоизмѣнилась, приняла иныя формы во многомъ, но поиски за единствомъ языка общенія продолжаются неустанно. Первые провозвѣстники чешскаго возрожденія въ началѣ только что истекшаго столѣтія указывали на языкъ русскаго народа, какъ на тотъ, который является наиболѣе подходящимъ къ этой цѣли, а въ наше время сама жизнь побѣждаетъ всѣ препятствія, иногда кажущіяся непреодолимыми, и ведетъ русскій языкъ къ этой роли.— Въ послѣднюю четверть вѣка распространеніе русскаго языка среди славянъ совершается, такъ сказать, само собою. Въ Сербіи и Болгаріи во многихъ училищахъ русскій языкъ преподается, какъ необходимый элементъ школьнаго обученія; въ Далмаціи и Хорватіи онъ въ нѣкоторыхъ патріотическихъ семьяхъ уже входитъ въ программу образованія молодого поколѣнія; въ Черногоріи женщины, получившія просвѣщеніе въ единственномъ тамъ Цетинскомъ институтѣ, выносятъ оттуда полное знаніе русскаго языка и, конечно, передадутъ его своему поколѣнію; въ Чехіи, Моравіи, у словаковъ и словенцевъ, равно какъ и на всемъ славянскомъ югѣ ежегодно растетъ число „русскихъ кружковъ“, единственная цѣль которыхъ облегчить изученіе русскаго языка на мѣстѣ и знакомство съ русскою литературою. Появляются энергическіе дѣятели, самоотверженно отдающіеся служенію этой великой задачѣ на своей родинѣ, во имя глубокаго убѣжденія, что это средство можетъ охранить ихъ родную народность въ нашъ вѣкъ, грозный для славянъ ожиданіями, какъ нѣкогда единство языка и славянская проповѣдь Евангелія охранили славянство почти отъ неминуемой гибели...

На землѣ нѣтъ ничего сильнѣе вѣчно развивающейся и растущей жизни. Она развивается на поляхъ, удобренныхъ костями прошедшаго,— она идетъ въ томъ направленіи, которое создано трудомъ и мыслью прошлыхъ поколѣній. Звенья настоящаго въ многовѣковой цѣпи жизни народовъ и племенъ прочно связаны съ звеньями прошедшаго.

Не дано человѣку провидѣть будущее, но пытливый умъ имѣетъ право стараться поднять завѣсу, скрывающую отъ насъ будущее, чтобы заглянуть на эти контуры новой жизни, растущей изъ неустаннаго труда рабочаго дня поколѣній. И мы можемъ утверждать, что близится время, когда рѣшится проблема объ единомъ языкѣ общенія славянъ, столь важная для міровой роли славянства. Славяне идутъ на встрѣчу къ рѣшенію ея, все съ меньшими и меньшими опасеніями за будущность своихъ языковъ и нарѣчій. И чѣмъ далѣе, тѣмъ глубже сознается вся сила завѣтовъ славянскихъ Апостоловъ во всемъ славянскомъ мірѣ,— и все глубже проникаетъ убѣжденіе, столь ярко выраженное Тютчевымъ:

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы—народъ единый,
Единой матери сыны.

П. Кулаковскій.

БИБЛИОТЕКА
Госуд... 193 г.

Оттискъ изъ 8-ой книжки „Извѣстій Спб. Славянскаго Благ. Общества".

Дозволено цензурою. Спб., 22 Мая 1903 г.

Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.